Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Умберто Эко О прессе.
Глубокоуважаемые господа сенаторы,
я собираюсь представить вам cahier de doleances[1] по поводу состояния итальянской прессы, в частности в ее взаимоотношениях с политическими кругами. И делаю я это не заглазно, а пред лицом представителей печати; повторяю именно то, что писал и публиковал с 60-х годов и поныне в итальянской периодике. Этим подтверждается, что мы живем в свободном государстве, где несвязанная и непредвзятая пресса предает суду все и вся и самое себя.
Функция четвертой власти – несомненно, контролировать и критиковать три традиционных вида власти (имеются в виду власть политическая, власть экономическая и власть партий и профсоюзов). Такое, опять же, возможно лишь в свободном государстве, где критика не наделяется репрессивной функцией. Средства массовой информации влияют на политическую жизнь страны, лишь формируя общественное мнение. В то же время и традиционные виды власти контролируют и критикуют масс-медиа лишь через посредство тех же масс-медиа, в противоположном случае вмешательство властей является санкцией, исполнительной, законодательной или судебной; а это может происходить, только когда масс-медиа нарушают правопорядок или расшатывают политическую или государственную стабильность.
Поскольку, однако, сами масс-медиа, а в нашем с вами случае печать, не должны пребывать вне критики, неоспоримое условие демократии – чтобы печать периодически ставила под вопрос самое себя.
Но одной постановки под вопрос недостаточно. Хуже того, подобное поведение может составить замечательное алиби, или, говоря довольно резко, работать в смысле «репрессивной толерантности» (термин Маркузе): совершив акт самобичевательной непредвзятости, пресса уже не чувствует потребности в самопреобразовании. Лет двадцать назад журнал «Эспрессо» заказал мне большую критическую статью о том же «Эспрессо». Считайте это неуместным скромничаньем, но я убежден, что если «Эспрессо» с той поры и улучшился, заслуги моей статьи в этом никакой нет, а есть одна природная эволюция. Моя статья, насколько помню, имела результат «где сядешь, там и слезешь».
В данный момент я не собираюсь клеймить прессу за ее нападки на политиков, представлять политические круги как несчастную жертву произвола со стороны прессы. Наоборот, полагаю, что политический мир в полной мере разделяет с прессой ответственность за ситуацию, которую я пытаюсь обрисовать.
Далее. Не ропщу, как любят делать провинциалы, что худо только то, что происходит в нашем околотке. И не хотел бы выглядеть как та же самая наша пресса, порой впадающая в такую ксенофилию, что любое название зарубежной газеты предваряется прилагательным «авторитетная», причем доходят до абсурда типа «авторитетное издание „Нью-Йорк Пост“», в неведении, что «Нью-Йорк Пост» – третьесортная газетенка, которую посовестились бы брать в руки даже в Омахе, штат Небраска. Так вот, болезни итальянской прессы свойственны в наше время почти что любой нации. И все же отрицательные примеры других национальных культур я постараюсь приводить лишь в крайних случаях, поскольку от чужой глупости своя не уменьшается. И напротив, охотно воспользуюсь чужими реалиями, если увижу, что они выступают положительной моделью для нас.
Последняя предпосылка. В качестве основных источников я буду использовать «Репубблику», «Коррьере делла Сера» и «Эспрессо». Таково требование корректности: в этих трех периодических изданиях я печатался и продолжаю печататься, а следовательно, моя критика не сможет выглядеть как предвзятая или злоумышленная. Но будем иметь в виду, что проблемы, которые я выделяю, относятся ко всей итальянской прессе.
Полемика в 60-е и 70-е годы

В шестидесятые и семидесятые годы полемика о характере и функции периодической печати в основном шла по двум направлениям:

а) разграничение между информацией и комментарием, а следовательно, призыв к объективности;

б) пресса – инструмент власти, то есть партий и экономических лобби. Главное ее оружие – намеренное затемнение смысла высказывания, поскольку идея состоит не в том, чтобы снабжать информацией читателей, а в том, чтобы через голову этих читателей направлять тайные сигналы другим властным группировкам. Языку самих политиков присуща та же зашифрованность, а очаровательный фразеологизм «параллельные конвергенции» сохранился в

истории наших масс-медиа как символ специального жаргона, который, может быть, и употребителен в кулуарах парламента, но непостижим для рядовых телезрителей.

Мы можем убедиться, что обе выше выделенные темы в значительной степени отошли в прошлое. Во-первых, имела место широкая полемика об объективности, в которой многие утверждали, что (за исключением прогноза погоды) объективной информации не существует и существовать не может. Даже при педантичном отделении комментария от сообщения сам по себе подбор сообщений и их расположение на полосе несут в себе имплицитное суждение. Так, в последние годы господствует стиль «тематизации» – на полосе собираются статьи, объединенные общей тематикой. Вот пример тематизации: стр. 17 газеты «Репубблика», воскресный номер от 22 января. Четыре статьи: «Брешия, роженица убивает ребенка», «Рим, ребенок один в квартире, играет на подоконнике, отец арестован», «Рим. Женщины имеют право родить в роддоме и отказаться от ребенка», «Тревизо. Разведенная жена не собирается быть матерью своим детям».

Как видим, здесь тематизуется проблема несчастного детства. Возникает вопрос: нам описывают феномен, возникший именно на этой неделе? Все ли частные случаи перечислены? Если четыре описанных эпизода – это все, что имеется, можно считать тему статистически несущественной. Но, тематизуясь, та же информация выступает в виде, который юридическая и судебная риторика в классическую пору именовала exemplum – частный случай, из которого выводится (или подспудно подсказывается) правило. Если случаев всего-навсего четыре, газета наводит нас на мысль, что их гораздо, гораздо больше; если бы их было гораздо больше, в газете бы это не стали объявлять. При тематизации четыре новости – это не просто четыре новости. На полосе весьма сильно подается сигнал об острых проблемах детства, чего бы там на самом деле ни хотел редактор, который, может, верстал эту страницу 17 до самой поздней ночи, не зная, что же в нее запихнуть. Всем этим я не утверждаю, будто принцип тематизации ошибочен или опасен; я говорю только, что она демонстрирует, как могут под видом абсолютно объективных новостей проводиться активные суждения.

Второй темой была мутность газетного языка; я сказал бы, что наша печать понемногу отошла от этой загадочности, что связано и с изменением речевой манеры политических ораторов: они уже не читают по листочку перед микрофоном нечто витиеватое и вязкое, а говорят простыми словами, что некто один из их команды – подлый предатель, а некто другой только и делает, что славит несравненные свойства своего воспроизводного члена. Налицо скорее не мутность, а противоположная крайность: нынешняя пресса склоняется к языку того бесформенного единства, которое принято называть «народ», причем предполагается, что народ мыслит и выражается одними пословицами. Студенты моего семинара собрали материал из итальянских газет за календарный месяц. Выходило в таком вот духе (выдержки из одной и той же статьи в «Коррьере делла Сера» от 11 января 1995 года): «Надежда умирает стоя», «Мы зажаты клинчевым захватом», «Дини объявляет: наступил год тощих коров», «Обитатели Квиринала зажигают костер на военной тропе», «Снявши голову, не оплакивай шевелюру», «Паннелла попадает в самое яблочко», «Время не ждет, коней на переправе не меняют», «В парламенте разворачиваются баталии», «Пристали как банный лист с ножом к горлу».

В статье в «Репубблика» от 28 декабря 1994 года мы читаем, что «Надо спасать и козу, и капусту», «Поспешишь – людей насмешишь», «А от друзей береги меня Господь», «Новое коленце этого балета», «Фининвест опять в боксерской стойке», «Каша заварена, и придется ее расхлебывать», «Вновь разверзаются небесные скрижали», «Сорную траву с поля вон», «Унюхать бы, куда ветер дует», «Телевидению – львиная доля, нам перепадают крошки», «Надо двигаться проторенной дорогой», «Индекс популярности катастрофически ухает вниз», «Проходит красной нитью», «Имеющий уши да слышит», «Нащупать пульс рынка», «Болезненный шип под ребро», «Под знаменами такой-то идеи… оставил в битве немало пуха и перьев». Не газета, а сказки Матушки Гусыни.

Хочется понять, как минимум, насчет всех этих клише, в большей ли степени они постижимы, нежели «параллельные конвергенции», которые хотя бы «Красным Бригадам» были внятны и впрямь сделались для них руководством к действию.

Заметим, кстати, что все эти законсервированные выражения, лакомые для «народа», на пятьдесят процентов изобретаются сочинителями передовиц, а на

пятьдесят процентов черпаются из многоглаголания парламентариев. Как видите, я сейчас тоже склоняюсь к готовой схеме: «круг сужается», и вырисовывается тень дьявольского комплота, в котором неизвестно, кто же является совращенным, а кто совратителем.

Таким образом, исчерпалась стародавняя дискуссия об объективности и шифрованных способах выражения. Сейчас эпоха новой проблематики. В чем она состоит и откуда рождается?

Ежедневник эволюционирует в еженедельник

В шестидесятые годы газеты еще не страдали из-за конкуренции с телевидением. Один только Акилле Кампаниле[2] на конгрессе по проблемам ТВ в Гроссето в сентябре 1962 года проявил блистательное предвидение: в прежние времена газеты были первыми проводниками новых известий, лишь потом вступали издания другого типа и углубленно прорабатывали газетные темы. Газета была как телеграмма, в конце текста как будто шла строка: «Подробности письмом». И вдруг с 1962 года телеграфная новость стала появляться по вечерам в восемь часов в программе теленовостей. Наутро следующего дня газета перепечатывала те же новости. Новости начали преподноситься по формуле: «Следует (точнее, предшествует) телеграмма».

Почему только Кампаниле, гений комического, заметил эту парадоксальную ситуацию? Потому что ТВ было еще ограничено одним, максимум двумя каналами, подчинявшимися режиму. Поэтому ТВ не считалось (и в значительной степени не было) достоверным источником: газеты говорили о большем и говорили не столь расплывчато; сатирики формировались в кино, в кабаре, не всегда они попадали на телевидение; политическая информация распространялась на площадях из уст в уста или при помощи настенных плакатов; опросы общественного мнения в шестидесятые годы представляли собой прямые диспуты нескольких политических трибун, на которых, ради того чтобы соответствовать своими предложениями запросам среднестатистического телезрителя, представители компартии говорили нечто очень похожее на то, что говорили христианские демократы, то есть различия затирались и каждый старался выглядеть по возможности нейтрально-положительно. Поэтому полемика и политическая борьба находили себе иное пространство, большей частью страницы газет.

Потом наступил скачок, количественный (телеканалы стремительно умножились) и качественный: даже внутри государственного телевидения определились три канала, каждый с особой политической ориентацией. Сатира, оживленная дискуссия, механизм раздувания сенсаций переместились на экраны телевидения, телевидение отменило даже табу на сексуальность – таким образом некоторые программы позднего вечера стали гораздо откровеннее монашеских обложек «Эспрессо» и «Панорамы», где фотокамера не имела права опускаться до уровня ягодиц. Еще в начале семидесятых годов, помнится, я писал в обзоре об американских ток-шоу как о показе цивилизованной, остроумной беседы, которая способна удерживать зрителей у экранов вплоть до глубокой ночи, и страстно предлагал их как модель для ТВ итальянского. Потом настало время, когда все более триумфально ток-шоу начали шествовать по итальянским телеэкранам, но мало-помалу они становились плацдармом самых остервенелых сражений, в ряде случаев переходящих в рукопашные, и фейерверком ненормативной лексики (истины ради заметим в скобках, что эволюция того же рода частично произошла и в ток-шоу на других национальных ТВ).

Так телевидение превратилось в канал распространения информации из первых рук, а для газеты остались, в сущности, два пути: о первой из возможных вариаций (которую я пока что условно назову «путь расширенного внимания») мы поговорим несколько позже; но есть все основания утверждать, что печать в огромном своем большинстве двинулась по альтернативной дороге, то есть «в направлении еженедельника». Ежедневник перенимает и усваивает все больше традиционных черт еженедельника, отводя огромное пространство «всякой всячине», рассуждениям по поводу быта и нравов, политическим сплетням, зрелищам. Это ставит в трудное положение еженедельники высшего уровня (я имею в виду «Панораму» и «Эпоку», «Эуропео» и «Эспрессо»). Им тоже остается две дороги: либо «приближение к ежемесячнику», – но эта ниша забита ежемесячными специальными изданиями: по парусному спорту, по наручным часам, по кулинарии, по компьютерам, изданиями, опирающимися на верных и преданных покупателей/подписчиков, – либо захват пространства светских сплетен, которое принадлежит либо еженедельникам не высокого, а среднего

уровня, таким, как «Дженте» и «Оджи», смакующим королевские свадьбы, либо журналам низкого пошиба («Новелла зооо», «Стоп», «Ева Экспресс») — для обожателей великосветских адюльтеров и охотников за голыми грудями и задами, снятыми скрытой камерой в полумраке ватерклозетов.

Но еженедельники высокого уровня не могут опускаться ни до низкого пошиба, ни даже до среднего, кроме как на последних листах, что они и делают: именно там следует искать (и находить) груди, сердечные дружбы и шикарные свадьбы. С другой стороны, подобным образом они теряют лицо перед собственной публикой: чем больше еженедельник высокого уровня соприкасается с уровнем посредственным и низким, тем больше к нему приливают потребители, не принадлежащие к его традиционному кругу; журнал перестает понимать, кто по-настоящему входит в его круг, и оказывается в кризисе: повышается тираж, теряется лицо.

Вдобавок журналы смертельно страдают из-за всех этих недельных толстых цветных приложений к ежедневным газетам. Единственный для них выход из положения — равняться на издания вроде тех, что в Америке адресованы элите, типа «Нью-Йоркера», в котором содержатся: репертуары театров, интеллектуальные комиксы, краткие поэтические антологии и достаточно часто — статьи длиною в два печатных листа с биографией, скажем, издательской гранд-дамы вроде Хелен Вольф. Можно еще использовать модели «Тайме» или «Ньюсуик», которые будто соглашаются с ролью еженедельников, рассказывающих о событиях, которые уже были поданы в газетах и на телевидении, но об этих событиях подготавливаются исчерпывающие обзоры, подбираются в «кусты» статьи нескольких журналистов, каждая из которых требует месяцев усиленной работы и редактируется до судорог, так что очень редко бывает, чтобы в этих изданиях приходилось печатать извинения и фактические опровержения. С другой стороны, и «нью-йоркеровские» статьи заказываются много месяцев заранее, и если статью потом не принимают, то автору все равно выплачивается гонорар (и превосходный), а статью кидают в корзину. Номера таких журналов стоят очень дорого, существуют в расчете на международный рынок читающих по-английски и невообразимы для небольшого рынка читающих по-итальянски, поскольку число читающих итальянцев посейчас остается бесконечно малой величиной.

Поэтому еженедельник хочет угнаться за ежедневником по той же самой колее, и каждый тщится переплюнуть другого, чтобы отвоевать читателей. Вот из-за этого и прогорел славный «Эуропео», и поэтому «Эпока» отчаянно ищет альтернативных путей и держится телевизионными презентациями; «Эспрессо» и «Панорама» бьются за то, чтоб отличаться друг от друга, и достигают цели, однако публика все меньше замечает это. Многие мои собеседники, в том числе интеллигентные, хвалили в беседе со мной мою рубрику в «Панораме» и даже добавляли, что каждую неделю покупают «Панораму», лишь бы почитать меня[3].

Идеология зрелищности

А ежедневники? Чтоб тягаться с недельными журналами, газеты толстеют, чтоб толстеть, сражаются за рекламодателей, чтобы привлечь рекламодателей, снова толстеют и выдумывают разные подарки. Надо забивать все эти страницы; они должны о чем-то говорить; чтобы говорить, приходится выходить за пределы скупой информации (которая вдобавок уже поступила из теленовостей), так что газеты подражают еженедельникам все больше и больше, а также вынуждены изобретать новости или выдавать за новости то, что новостями не является.

Вот пример. Сколько-то месяцев назад, когда мне давали премию в Гринцане, на вечере обо мне говорил мой давний коллега и друг Джанни Ваттимо. Те, кто разбирается в философии, знают, что моя позиция и позиция Ваттимо сильно различаются, но что тем не менее мы относимся друг к другу с сугубым уважением. Многим известно еще, что мы с ним близко дружим с самого раннего отрочества и обожаем пошпынять друг друга в любой подходящей застольной ситуации. В тот день на нас с Ваттимо нашел именно такой застольный тон: он сказал обо мне несколько остроумных и дружелюбных фраз, на что я ответил не менее шутливым образом, обрисовывая в анекдотах и парадоксах наши вековечные дивергенции. На следующий день одна итальянская газета шарахнула на полную полосу («Культура») новость о жуткой стычке на премии Гринцане, которая, по мнению автора статьи, символизировала некий новый драматический и непреодолимый раскол в итальянской философии. Автор статьи прекрасно знал, что новости никакой не было, пусть даже и культурной. Он попросту раздул сенсацию, причем на пустом месте. Предоставляю вам самим найти подобные примеры в области политики. Однако культурный пример характерен:

журналу требовалось изобрести сенсацию, чтобы хоть чем-нибудь заполнить чрезмерное количество страниц, отведенных на всячину, культуру и нравы и пронизанных идеологией зрелищности.

Возьмем хоть «Коррьере делла Сера» (44 полосы) и «Репубблику» (54 полосы) за понедельник, 23 января. Учитывая, что верстка у «Коррьере» более емкая, будем считать, что количество материала в этих номерах примерно совпадает. Понедельник – трудный день, день без свежих политических и экономических новостей, в крайнем случае можно отвести душу на спорте. В Италии на этот день приходится разгар правительственного кризиса, и оба наших журнала имели возможность разместить подвалы на тему дуэли Дини с Берлускони. Теракт в Израиле в годовщину Освенцима занял собой большую часть первой полосы. В довесок был процесс Андреотти[4] и, в случае «Коррьере», кончина долгожительницы – старейшины семьи Кеннеди. Имелась хроника военных действий в Чечне. Где взять остальную газету? Оба издания посвятили соответственно 7 и 4 страницы разделу городских происшествий, отвели 14 и 7 – на спорт, 2 и 3 – на культуру, 2 и 5 – на экономику, и 8 и 9 страниц на нравы, зрелища и телевидение. В обоих случаях из 32 страниц приблизительно 15 были отданы под обзоры стиля «еженедельник».

Сравним теперь с «Нью-Йорк Таймс» за тот же понедельник. 53 полосы, 16 из которых ушли под спорт, 10 заняты городскими проблемами и 10 – проблемами экономики. Осталось 16 страниц. Там у них никакого кризиса не происходило, Вашингтону тоже было нечем особенно похвалиться, поэтому 5 страниц под шапкой «National Report» были заполнены внутренними событиями. А затем, после описания израильского смертоубийства, я увидел не менее десятка статей о Перу, Гаити, о беженцах с Кубы, о Руанде, Боснии, Алжире, о международном конгрессе по проблемам бедности, о Японии после землетрясения, о процессе епископа Гэйо. Затем – две убористые полосы со статьями комментаторов и политических аналитиков.

Наши две итальянские газеты не говорили ни о Перу, ни о Гаити, ни о Кубе с Руандой. Допустим даже, что первые две темы больше интересуют американцев, нежели европейцев. Но в любом случае наглядно, что в мире происходили какие-то международные события и что итальянские газеты ими пренебрегли, чтоб увеличить квоту зрелищно-телевизионной тематики. «Нью-Йорк Тайме» в порядке исключения ради понедельника посвящает две страницы медиа-бизнесу, но занимается не выбалтыванием секретов и не сплетничаньем об известных персонах, а обдумыванием и экономическим анализом проблем шоу-бизнеса.

Газета и телевидение

Итальянская печать одержима телевидением. Именно телевидение определяет лейтмотивы нашей печати. Ни в одной стране мира, ни в одном издании мира новости, касающиеся ТВ, не красуются, как у нас, в шапках первых полос (если только Миттеран и Клинтон не выступят за день до того с обращением к народу или если в стране не поменяется руководитель крупнейшего национального телеканала).

Не надо мне отвечать, что про ТВ пишут, дабы занять место. А как же тогда «Нью-Йорк Тайме» от воскресенья, 22 января? В общей сложности – 569 страниц, включая рекламные вкладыши, литературную тетрадку, недельное приложение «Всякая всячина», огромные разделы путешествий, автомобилей и проч. Говорится ли что-нибудь о ТВ? Все же не последний электробытовой прибор в американской жизни. Да, говорится. На странице 32 в приложении по искусству и зрелищам есть, во-первых, обзор по поводу расовых стереотипов в программах, а во-вторых, большая рецензия на хороший документальный фильм о вулканах. Потом – вкладыш с программами, это само собой, и, в сущности, тема телевидения больше не возникает, не просматривается она и в разделе быта и нравов. Значит, неправда, что о телевидении говорить обязательно, чтобы заполнить место и заинтересовать публику. Значит, это итальянский вариант, а не суровая необходимость.

В тот же день у нас в Италии газеты много занимались телепередачей, которую ведет Кьямбретти (причем передачу лишь предстояло смотреть, так что наличествовал факт бесплатного рекламирования), где главный сюжет состоял в том, что Кьямбретти порывался войти с телегруппой в университетскую аудиторию, где в тот момент шла моя лекция, а я, из уважения к месту и к процессу, его не пустил и дурачиться на лекции не позволил. Если новость состояла именно в этом (поскольку действительно ново, что удалось защитить какое-то святое место от телеосквернения), она заслуживала четырех строк в

отделе курьезов.

А если бы ко мне на лекцию постучался с телекамерой кто-то из политиков, а я бы предложил ему удалиться? Даже не входя в аудиторию, даже не мелькнув на экране, этот политик попал бы на первые полосы газет. В Италии политики привлекают первостепенное внимание журналистов в случае, если изрекут нечто с экрана ТВ (или даже только предупредят, что хотят изречь). Газеты пишут не о том, что происходило накануне в государстве, а о том, как о происходившем кто-то высказался или мог бы высказаться по «ящику». И если бы только это! Несомненно, хлесткие фразы политиков на ТВ у нас фигурируют вместо формального пресс-коммюнике. Да чего там, в Италии считается годным для первой полосы, в качестве политических новостей, даже обмен оплеухами между депутатами Д'Агостино и Згарби в парламенте.

Безусловно, у нас в стране, более чем где-либо, телевидение тесно переплетено с политикой, иначе не вводился бы принцип par condicio (равных квот телевремени для каждого политического объединения). Так было еще во времена государственного телевидения, управлявшегося Бернабеи, то есть задолго до прихода Берлускони с его частными каналами «Фининвест». Газеты обязаны отражать эту переплетенность. Один знакомый иностранец прочитал наши газеты за 29 января и правильно заметил, что только в Италии может быть такое: на первой полосе и на седьмой полосе «Репубблики» и на пятой полосе «Коррьере» поперек многих колонок красуется историческое заявление того же телеведущего, Кьямбретти: «Не уйду из передачи» (связанное с нападками другого телеведущего, Санторо, имевшими место накануне). Разумеется, личные дела одного из конферансье не должны бы составлять главную новость дня в стране, особенно если этот конферансье не замышляет ничего нового, а спокойно продолжает делать, что и делал. Говорят, что когда собака кусает человека – это не газетный факт, газетный факт – когда человек кусает собаку. В данном случае на первой полосе оказалась собака, не кусавшая никого. Но все не так просто. Мы помним, что та жаркая дискуссия по поводу Кьямбретти, где участвовал и знаменитый журналист Энцо Биаджи, была сигналом глубинного неблагополучия, и полемика действительно имела политическую окраску. Так что, честно говоря, газеты были просто обязаны вынести это на первую полосу, виноваты не газеты, а положение дел в Италии. В то же время отважусь заявить, что ответственность за подобное положение дел в Италии в немалой степени несет та же самая печать.

Вот уже сколько лет печать, чтоб располагать к себе телезрителей, создает образ ТВ как главного политического пространства, тем самым бесконечно рекламируя своего природного конкурента. Политики сделали из этого надлежащие выводы: они серьезно отнеслись к телевидению, они усвоили телевизионный язык и телевизионную манеру в справедливой уверенности, что лишь этим путем они завоюют выгодное освещение в печати.

Печать сообщает зрелищу безмерный политический вес. Поэтому ясно, отчего политики, стараясь привлечь к себе внимание, проводили в парламент порнозвезду Чиччолину. Случай Чиччолины – характерный, потому что в силу инстинктивной застенчивости (pruderie) телевидение не осветило Чиччолину так массированно, как ежедневная и еженедельная печать.

Интервью

Завися от ТВ всей своей формулой, печать решила подражать телевидению и стилистически. Самым типичным путем преподнесения любой информации – политической, литературной, научной – стало интервью. Интервью необходимо на телеэкране, где невозможно говорить о ком бы то ни было, не показывая его, но для прессы интервью было инструментом, который в прошлом использовался чрезвычайно аккуратно. Ведь интервьюировать кого-либо означает дарить ему пространство, на котором он станет говорить то, что хочется ему. Подумайте о том, что происходит, когда кто-то публикует новую книгу. Читатель хотел бы получить от газет и журналов оценку этого труда, он доверяется мнению знаменитого критика либо полагается на серьезность печатного органа. Но в наше время газеты воспринимают как поражение, если им не удается застолбить в первую очередь интервью с автором этой книги. А что такое интервью с автором? Неизбежно – его самореклама. Трудно вообразить, что автор заявит, что написал препоганую книгу. А следовательно, начинается и подспудный шантаж (знаю по опыту, то же случается и в других странах): «Если не дашь интервью, не напечатаем и рецензию». При этом часто газета, удоволенная своим интервью, о рецензировании уже и не заботится. В любом случае читателю нанесен урон:

рекламная акция опередила или же заменила собой критическое суждение, и часто критик, когда он наконец усаживается писать, занят уже не книгой, а тем, что автор произнес о ней в своих разнообразных интервью.

В еще большей степени интервью с политиком должно было бы становиться событием знаменательным: либо оно инспирируется самим политиком, который ищет на печатной странице пространство самовыражения, либо запрашивается редакцией газеты, стремящейся углубленно обрисовать политическую позицию этого деятеля. Серьезное интервью требует длительной подготовки, а интервьюируемый (как происходит практически во всем мире) должен, по идее, прочитать и утвердить все, что закавычено, тем самым предохраняясь от путаницы и грядущих извинений/поправок. Наши же газеты печатают по десятку интервью за раз, вымученных и заклишированных, где опрашиваемый пережевывает все, что он уже говорил в интервью другим изданиям. Однако конкуренция – дело нешуточное, и, чтобы набирать очки, надо, чтобы интервью было поэффектнее, чем в других газетах. Значит, фокус состоит в том, чтобы выдоить из политика какое-то полупризнание, пригодное, при раздутой его подаче, вызвать последующий скандал.

Что же, проинтервьюированный политик, вечно занятый в последующий день опровержением того, что он якобы возгласил в день предыдущий, – жертва акул пера? Давайте тогда его спросим: «Зачем же ты даешь эти интервью и не пользуешься эффективнейшим приемом no comment?!» В октябре прошлого года, казалось, было, что глава «Лиги»[5] Умберто Босси взял на вооружение именно этот прием, запретив своим депутатам разговаривать с журналистами. Было ли это провальное решение, потому что привело к атакам со стороны прессы, или это было победное решение, потому что подарило Босси не менее двух полных полос в течение не менее двух дней в масштабе всей национальной печати?

Журналисты, ведущие хронику парламентской жизни, утверждают, что в ста процентах случаев возмущенных опровержений возмущающийся политик действительно сказал именно это самое, вернее, намекнул в этом духе, специально, чтобы фраза пошла в печать и чтобы на следующий день начать ее опровергать; но при этом пробный шар все-таки им запущен и инсинуация или угроза в общем достигла цели. Давайте тогда спросим пострадавшего парламентского журналиста, обманутого коварным политиком: «Отчего же ты берешь эти интервью и не требуешь, чтобы он перечитал и подписал готовый текст?!»

Ответ на все это прост. При подобных играх все остаются в выигрыше, и не проигрывает никто. Игра засасывает, декларации и опровержения лавинообразно поступают день за днем, читатель теряет счет, он уже не помнит, что же там говорилось; а журнал знай себе вопит о новостях, а политик, своим чередом, достигает целей. Налицо гнусный сговор (pactum sceleris) в ущерб читателям и гражданам. Это настолько распространено, это так общепринято, что мы уже не реагируем ни когда в газетах «продергивают», ни когда «передергивают».

Но, как любое преступление, дело это непродуктивное. Расплатой и для печатного органа, и для политика бывают утрата доверия и наплевизм читателей.

Дополнительную аппетитность интервью сообщает, как уже говорилось, радикально переродившийся политический язык, который, перенимая манеры и трюки телевизионной дискуссии, перестает быть традиционно осмотрительным и становится живописным и непосредственным. Мы так долго сетовали на то, что итальянские политики умеют только бубнить по бумажке нечто скупое и занудное, и любовались политиками Америки, которые перед микрофонами выступают как будто без подготовки, импровизируя и тем не менее пересыпая свои речи хлесткими формулировками. Так вот, подготовка на самом деле у американцев бывает, и весьма основательная: большая часть этих политиков натренировалась в университетских speech centers, где преподается ораторство как будто бы Божьей милостью, а на самом деле рассчитанное до запятой; они вставляли и вставляют в речь (за вычетом накладок) шутки, выученные по специальным учебникам или заготовленные бессонными речеписателями (ghost writers).

Вырвавшись из этикетных пут Первой Республики, политики нашей Второй болтают действительно что Бог на душу. Теперьони говорят понятнее, но более безответственно. Само собою, для газет, тем более тяготеющих «журнализоваться», это просто манна. Простите снижающее сравнение, но ситуация сходна с сельской харчевней, где, если кто глотнул лишнего и

раздухарился, вся компания его подзуживает, предвкушая, чего же он смешного натворит. Такова динамика провокации и в телевизионных ток-шоу, и в беседе хроникеров с политиками. Половина явлений, которые мы называем «деградацией политического общения», вытекает из этой неконтролируемой динамики. Как я уже говорил, в угаре все давно забыли о конкретном высказывании, и осталось только общее впечатление и общий тон, приводящий к мысли, что все позволено.

Печать о печати

В этой изнурительной погоне за высказываниями происходит вот что: все чаще газеты пишут только о других газетах. Все чаще статья в газете А извещает, что некое интервью появится завтра в газете Б, и все более часты опровержения, гласящие, что такой-то никогда не сообщал газете А об интервью для газеты Б, вслед за чем появляются ответы журналистов, которые утверждают, что факт сообщения газете А об интервью в газете Б подтверждается газетой В, не обинуясь тем, что и в В высказывание забрело непрямым путем из газеты Г.

Печать, когда она не пишет о телевидении, пишет о самой себе: научилась от телевидения, которое говорит большей частью о телевидении. Это ненормальное положение вызывает не беспокойство и не возмущение, а играет на руку политикам, для которых удобно, что одно только сообщение в одном только средстве печати мгновенно получает резонанс во всех остальных существующих органах. Таким образом масс-медиа из окна в реальность превращаются в зеркало, зрители и читатели созерцают чистый акт самолюбования печати: «Свет мой зеркальце, скажи…»

Кто выдумывает сенсации?

Журнал «Эспрессо» нередко выступал инициатором кампаний, определявших стиль времени, к примеру давняя и знаменитая «Коррупция столицы – нездоровье нации». Как, в техническом смысле, организуются подобные кампании? У меня дома есть только один полный комплект «Эспрессо» – за 1965 год, и на днях я перелистал и просмотрел его. С номера 1 до номера 7 основные статьи посвящены то политике, то нравам. Ничего экстраординарного. В номере 7 помещен репортаж Яннуцци «Гроссбух св. Петра», где Ватикан обвинен в укрытии сорока миллиардов лир, причитавшихся в казну Италии в качестве налогов за последние три года. Все это печатается в период проведения Ватиканского собора, то есть момент выбран довольно острый. В номере 8 тема налогов не возникает. Но вместо этого помещается статья о пьесе Хохгута «Викарий», представление которой было запрещено римской квестурой, и статья Скальфари на ту же тему. Еще есть статья без подписи о некоторых аспектах Ватиканского собора. Ненавязчиво, даже почти незаметно разговор о пьесе «Викарий» снова возникает в театральном разделе, где напечатана заметка Сандро Де Фео. В номере 9 начинается серия репортажей Камиллы Чедерна о закулисных играх вокруг Ватиканского собора, и серия эта тянется вплоть до номера 13.

Только в номере 13, то есть почти два месяца спустя, журналист Ливио Занетти программной статьей открывает политическую дискуссию (о необходимости изменить условия конкордата с Ватиканом) и только в самом конце снова затрагивает тему предположительных нарушений Ватиканом налогового законодательства. Новое эхо этой проблемы – в номере 14, но на первую полосу она не вынесена. В номере 15 тема Церкви звучит в статье Фалькони о священниках-диссидентах и в сообщении о новом по тем временам явлении – церкви Барбиана[6]. Только в номере 16, в статье от редакции, на первой полосе речь идет о политической подоплеке визита Ненни в Ватикан. Как Итальянскому государству добиться уважения к законам и правам Италии?

С номера 18 главное внимание уделяется новой кампании, посвященной судопроизводству.

Журнал в те времена несомненно имел четкую стратегию, было ясно, что «Держи вора!» можно кричать не каждую неделю, так что пафос дозировался, информацию подавали продуманно, читателям предоставляли выработать собственную позицию постепенно, правящая прослойка могла прочувствовать всю важность ненавязчивого, но настойчивого анализа, и журнал давал ощутить, что при необходимости вполне способен снова вынести тему на первый план.

Могли бы какой-то еженедельник в наше время повести себя аналогично? Нет,

не мог бы. Во-первых, «Эспрессо» в те времена был нацелен, что видно и по тиражу, и по графическому оформлению, на правящую прослойку. Сейчас у него читателей по крайней мере впятеро больше. Теперь он не может использовать технику тонкого, поступательного и размеренного убеждения. Во-вторых, на первой же фазе сенсационный материал был бы подхвачен и раздут другими изданиями и средствами коммуникации, и, чтоб иметь возможность вернуться к теме, журналу пришлось бы тут же поднимать планку, находить еще более горячие факты, а следовательно, выдавать недостаточно проверенную информацию. В-третьих, в политической среде и на телевидении эта тема неминуемо переросла бы в скандал. Предметом обсуждения выступало бы не предполагаемое уклонение от налогов, и не проблематика папского конкордата, а живописное рукоприкладство, вспыхнувшее из-за этой проблематики; да и журнал бы сообщал только о том, как высказались другие журналы и тележурналы на данную тему. В-четвертых, наконец, нельзя не учитывать, что одной из главных перемен в журнальном и газетном деле явилось принципиально новое взаимоотношение с судебным следствием. Раньше печать выявляла то, что замалчивалось политическими структурами и не лежало в поле зрения прокуратуры. В ходе антикоррупционной борьбы последних лет наши следователи и прокуроры настолько усилили обвинительную активность на всех уровнях, что прессе почти что нечего выявлять. Ей остается только перепевать (или предвосхищать, алчно вынюхивая любую утечку информации) обвинения, идущие от прокуратуры, или же, в противном случае, клеймить ту же прокуратуру, тащась при этом в кильватере телепередач. Раз так, взаимодействие сторон становится конвульсивным. А эти конвульсии выхолащивают его содержательное наполнение, иными словами, единственным суммарным его содержанием становится опошление политического процесса.

Если в старые времена газеты засылали лазутчиков в кулуары римских дворцов власти с целью выудить хоть какие-то осторожные полупризнания у информированных людей, то сейчас, коль на то пошло, газетам приходится отбиваться от тех, кто по собственному почину приносит им аппетитнейшие досье, которые, если напечатать их без скрупулезной проверки, превратят издание в громкоговоритель вранья и подорвут его авторитет. Играть приходится почти всегда в защите, отбивать подачи извне. Стиль Пекорелли (игравшего на площадке между хроникой, политикой, анализом и сенсацией) одержал верх над стилем Арриго Бенедетти, который видел в журналистике суверенную «четвертую власть».

Под иными небесами положение вещей, в сущности, такое же, как у нас. Во Франции недавно с горечью наблюдали, как в погоне за сенсацией были взломаны самые интимные секреты президента Республики. Что же до реальных результатов этой беготни за скандальными фактами, знаменательно сопоставление Никсона с Клинтоном.

До появления уотергейтских публикаций в газете «Вашингтон Пост» история не знала прямых нападок на честь и на личность резидента США, допускались лишь нападки политические. В случае Никсона характер инкриминируемого злодеяния позволял ему легко откреститься, спихнув вину на ретивых сотрудников. Однако он крупно ошибся, прибегнув с самого начала ко лжи. Ухватившись за это, журналисты грохнули в колокола: президент Соединенных Штатов — обманщик! Вот Никсон и пал, не потому что был опосредованно виновен в нарушении прав человека, а потому что попался на вранье. Нападающие выбрали позицию четко, уверенно, обдуманно и именно поэтому одержали успех.

И соответственно, кампания против Клинтона гораздо слабее и отрывочнее: ей потребно по скандалу в день; чтоб раздобыть скандал, печать приписывает Клинтону и Хилари все смертные грехи — от спекуляций недвижимостью до кормления кошки на казенный кошт. И теряет меру. Общественное мнение всем этим травмировано и воспринимает факты скептически. Результатом и в этом случае является опошление политической борьбы: теперь лидера можно поменять, только посадивши его в каталажку.

Что делать?

Для выхода из этого противоречия печать может избрать одну из двух дорог, в равной степени нелегких, так как видим, что даже и за границей издания, избравшие эти пути, сейчас вынуждены менять тактику в соответствии с новыми временами.

Первый путь условно назову «Фиджийский вариант». В 1990 году я провел почти целый месяц на островах Фиджи, а в прошлом — месяц на Карибах. В тех

широтах единственное чтение – местная газета. Восемь-десять страниц, почти целиком заполненных рекламой ресторанов и новостями местного масштаба. А между тем, когда я был на Фиджи, начиналась война в Персидском заливе, а на Карибы я попал, когда в Италии должен был приниматься декрет Бьонди[7].

Что вам сказать? Обо всех крупнейших новостях планеты меня уведомили! Нищие листки, живущие нахватыванием фактов из телеграфных агентств, умудрялись каждый день печатать сводку всех первостепенных новостей, появлявшихся в мире. И из моего далека я сознавал, что то, о чем газета острова Фиджи умолчала, не может быть такой уж сногсшибательной новостью.

Фиджийский путь, несомненно, обрекает газету на катастрофическое падение продаж. Газета становится бюллетенем для элиты в духе биржевки, ибо, чтобы оценить новость, поданную в телеграфном стиле, нужен наметанный глаз. Жуткий урон наносится политикам, они лишаются критического внимания печати. Самые поверхностные из них могут, конечно, ответить на это, что им и телевидения довольно. Однако телевидение, как и любое зрелище, затрепывает людей. Фанфани[8] продержался значительно дольше Ниллы Пицци[9]. Политики должны зреть и расти под воздействием критики, квалифицированной, спокойной и рассудительной, которую только газета принимает и размещает. И из-за нынешнего положения, когда ежедневная печать сведена к еженедельнику и задавлена телевидением, страдает в первую очередь прослойка политиков. Может, бывают и кое-какие плюсы, но лишь для немногих, самых отъявленных и ненадолго.

Второй вариант я в начале этого очерка условно поименовал «путь расширенного внимания». Пусть ежедневная газета не стремится к модели еженедельника, занятого бытом и нравами. Пусть она станет четким, авторитетным источником информации обо всем, что делается в мире. Пусть она не только оповещает читателей, что вчера в государстве третьего мира случилась революция, а уделяет развитию дел в этой стране постоянное, ровное внимание, в том числе на этапе, когда события только начинают назревать, и поясняет при этом читателю, из каких экономических или политических интересов, в том числе существенных для нашей нации, следовало бы присматриваться к определенным фактам, имевшим место там у них. Но этот тип газеты взыскует и от читателей определенной выучки. А у нас в Италии, прежде чем переучишь читателей, потеряешь их всех до единого. Даже у «Нью-Йорк Тайме», имеющего весьма подготовленный контингент читателей и работающего в Нью-Йорке практически в режиме монополии, сейчас завелся яркий пестрый и гораздо более легкий конкурент «US Today», который оттягивает на себя читателей.

Однако имеется еще один прогноз. С развитием информатики и интерактивного телевидения в скором будущем любой из нас сможет выпускать и печатать в собственной квартире, нажавши кнопочку дистанционного управления, собственную ежедневную газету, куда он подберет материал из миллиона компьютерных источников. Это будет смерть ежедневным газетам – хотя, наверное, не перемрут издатели, которые продолжат торговать информацией, пусть и по иным расценкам. Но такая домашней выпечки газета способна говорить только о том, чем читатель уже и прежде интересовался, и исключает потребителя из всего того оборота новостей, суждений, предостережений, который необходим для оформления его кругозора. Не перелистывая газеты от корки до корки, читатель лишается новостей неожиданных или нежеланных. Так выделится элита высокоинформированных потребителей, знающих, откуда и когда надо получать информацию, и останется масса информационных люмпен-пролетариев, которые жаждут знать обстоятельства рождения в их околотке двухголового кабана, но не ведают, что делается в подлунном мире. Примерно такова уже и сейчас картина в американских газетах, кроме центральных: нью-йоркских, сан-францисских, лос-анджелесских, вашингтонских и бостонских.

В этом случае опять же главную подножку получили бы политики, отогнанные на телевидение: установился бы режим плебисцитарной республики, в которой избиратели чувствительны исключительно к эмоциям текущего момента, от передачи к передаче и от часа к часу. Некоторым такая ситуация может показаться идеальной, однако в подобном случае не только отдельным политическим персонажам, но и группировкам и политическим движениям сужден бы был век короче, чем у манекенщицы.

Будущее остается, разумеется, за Интернетом, и такие политики, как Эл Гор, уже давно это осознали. В сети информация распространяется по несчетным

независимым каналам, система не имеет головы и не подвластна контролированию, все полемизируют со всеми, каждый в отдельности не только реагирует на любые опросы в реальном времени, но принимает сообщения, в том числе высококвалифицированные, вовлекается в ритм узнавания; каждый устанавливает отношения и участвует в дискуссиях в гораздо более живой форме, нежели позволяла парламентская диалектика, не говоря уж о дряхлой традиции журнальной полемики.

Но следует заметить, что и сегодня и еще довольно долгие годы:

а) информационные сети останутся достоянием окультуренной, молодой элиты, недостижимым ни для богомольной домохозяйки, ни для тех социально обделенных, к которым апеллирует наша нынешняя компартия, ни для пенсионеров, к которым взывает «Партия левых», ни для буржуазки, ходящей на митинги правоцентристского «Полюса». Шутка, шутка, не пугайтесь, но есть в ней доля истины: информационная сеть на нынешнем этапе скорее всего даст власть вовсе не вам и не вашему традиционному электорату, а студентам моего семинара, которые в две минуты наладят компьютерный мост с «яппи» с Уолл-Стрит;

б) никем не доказано, что эти сети так и останутся безголовыми и никак не контролируемыми сверху. Уже и сейчас в Интернете хватает перенаселенности и пробок, а завтра некий Большой Брат может наложить лапу на каналы доступа, и тогда дискутируй не дискутируй о политической квоте участия…

в) великое множество информации, которой нафарширована электронные сети, само собой вынудит к цензурированию из-за перенасыщения. Воскресная «Нью-Йорк Таймс» собирает в себе действительно all news that's fit to print – «абсолютно все, что годно к публикации», то есть не сильно отличается от «Правды» сталинских времен, потому что, раз все равно невозможно прочитать всю ее даже и за семь дней, это вроде как если бы информация уже прошла цензуру. Перенасыщенность информацией приводит или к явной случайности отбора, или к сугубо квалифицированной селекции, которая по плечу, опять-таки, лишь высокообразованной элите.

Чем завершить эту тему? Я полагаю, что печать в ее традиционном виде, то есть газета или журнал на бумажной основе, добровольно покупаемая нами в киоске, все еще выполняет свою первостепенную функцию, основную не только для нормального развития цивилизованного общества, но и для нашего удовольствия и для услаждения нас, вот уже несколько столетий полагающих вместе с Гегелем, что прочтение газеты – утренняя молитва современного человека.

Но при нынешнем развитии событий итальянская печать отражает своими страницами неблагополучие, не зная, как от него спасаться. Поскольку альтернативные варианты, как мы видели, трудноорганизуемы, следует уповать на медленную трансформацию, которая не может не затронуть и политический мир. Нельзя требовать, чтоб печать полностью заблокировала процесс «ожурналивания» газет; но нельзя поощрять ее в публикации одних только придворных сплетен или в описании живописных скандалов. Ибо в обоих случаях есть опасность коллапса.

Далее, бывает, что от политических деятелей приходят в газеты письма и их помещают под грифом «Редакция получила письмо и с удовольствием печатает». Чудно. Таким образом до нас доходит информация к размышлению, а политик принимает на себя ответственность за все свои высказывания. Попросим политиков читать все приписываемые им интервью и визировать фразы в кавычках. Возможно, интервью станут короче и реже, но относиться к ним станут серьезнее. От этого выиграют и газеты, уделом которых перестанет быть фиксация перепадов настроения, улавливаемых между глотками кофе. А чем прикажете печати заполнять пустоты? Наверное, пусть ищет новую информацию, ищет во всем мире, за пределами квартала, ведущего от верхней палаты итальянского парламента к нижней палате. Этот квартал для сотен миллионов человек не имеет никакого значения. Но эти сотни миллионов, напротив, имеют значение для нас, и газеты должны были бы нам о них побольше рассказывать, и не только потому, что несколько тысяч наших соотечественников решили строить где-то там у них что-то в стране, а потому, что от их развития в этой стране зависит будущее нашего общества.

Вот к чему я призываю и нашу печать, и наших политических деятелей, пусть побольше вглядываются в мир и поменьше в зеркало.

Сноски

1

Книга жалоб (фр.).

2

Акилле Кампаниле (1900–1977) – итальянский писатель-юморист, автор романов и рассказов в абсурдистском стиле.

3

В течение последних 30 лет Эко ведет постоянную рубрику не в «Панораме», а в «Эспрессо».

4

Судебное расследование по делу о коррупции, затронувшее бывшего министра (непрерывно с 1954 г) и премьер-министра (неоднократно) Италии Джулио Андреотти (род. в 1919), обвиненного в связях с мафией.

5

Имеется в виду сепаратистская партия северных провинций Италии (Пьемонт, Ломбардия, Венецианская область; под названием «Ломбардская лига» – с 1987, под названием «Северная Лига» – с 1990 г.; 20–30 % голосов на региональных выборах).

6

Церковь Барбиана – новаторский для 1960-хгг. педагогический эксперимент – приходская школа дона Лоренцо Милани для беднейших крестьянских детей.

7

Постановление правительства Берлускони (лето 1996) о прекращении расследования дел о коррупции; вызвало протест итальянского общества и привело к падению правительства.

8

Аминторе Фанфани (род. в 1908) – с 1954 г – секретарь христ. – дем. партии, многократно – министр правительства Италии, председатель Сената Итальянской Республики.

9

Нилла Пицци (род. в 1919) – популярная на телевидении 50-х гг. эстрадная певица.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!